DOI: 10.17117/na.2017.01.03.317

<http://ucom.ru/doc/na.2017.01.03.317.pdf>

Поступила (Received): 27.01.2017

Гресь Р.А.**Этноботаника: отечественная и зарубежная парадигмы,
направления и перспективы развития****Gres R.A.****Ethnobotany: domestic and foreign paradigms,
directions and development prospects**

В статье рассматривается проблематика определения этноботаники как научного направления. Дается классификация направлений этноботанических исследований в отечественной науке. Показаны приоритетные направления этноботанических исследований на Западе, география исследований. Также в конце статьи акцентируется внимание на роли этноботаники в понимании механизмов развития человеческих обществ и ее значении в междисциплинарных исследованиях

Ключевые слова: этнобиология, этноботаника, этнос, этноботанические представления

In the article considered the problems of the definition of ethnobotany as a scientific field. Given a classification of areas of ethnobotanical research in Russian science. Showing ethnobotanical research priorities in the West and research geography. Also at the end of the article focuses on the role of ethnobotany in understanding the mechanisms of development of human society and its importance in interdisciplinary researchers

Key words: ethnobiology, ethnobotany, ethnos, ethnobotany notions

Гресь Роберт Андреевич

Студент

Санкт-Петербургский государственный
университет

г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9

Gres Robert Andreevich

Student

Saint Petersburg state university

Saint Petersburg, University embankment, 7-9

В последнее время большое внимание в мировом научном пространстве уделяется достаточно молодой науке этнобиологии и её двум дифференцированным направлениям: этноботанике и этнозоологии. За последние пару десятков лет было проведено множество прикладных этноботанических исследований, меньше этнозоологических. Однако этноботанику нельзя назвать полноценным и самостоятельным научным направлением, как минимум в рамках отечественной науки, поскольку общие подходы к этноботанике и общее понимание целей и задач, путей развития данного научного направления до сих пор не определены. Об этом можно обнаружить много свидетельств. Намзалов Б.-Ц.Б. считает, что этноботаника является особым разделом современной экологии и как часть экологии она должна развиваться в двух направлениях этнофитоэкологии: экосистемно-биомном (этноты и растительность представляются как единое ландшафтное целое, изучается использование этносами растительного

покрова) и флористико-популяционном (изучает опыт этносов в использовании отдельных видов растений – кормовых, лекарственных, пищевых и др.) [24]. Совсем с другой позиции рассуждает коллектив авторов труда «Этноботаника: современные проблемы и тенденции» [11]. В рукописи говорится о повышении внимания к этноботаническим исследованиям, в первую очередь к развитию медицинской этноботаники. Как объясняют авторы, это связано с: «угрозой потери этноботанических знаний, снижением биоразнообразия, а также потребностью в разработке новых лекарственных препаратов» [11]. Существуют и другие подходы к определению этноботаники, ее целей и задач. По мнению некоторых ученых, изначальные формулировки целей и задача этноботаники сводились к изучению применения дикорастущих растений местных флор в традиционных культурах людей, проживающих на данной территории. [21, 47]. Однако следуя представленным подходам возникает методологическая проблема в вопросах определения этноботаники как таковой. Согласно первой точке зрения этноботаника является частью экологии, согласно второму подходу этноботаника должна соответственно входить в этномедицину, а согласно третьему представлению этноботаника должна рассматриваться как часть традиционного природопользования или этноэкологии, что в свою очередь близко к первому направлению. Отнесение этноботаники к любой из этих областей знания существенно ограничивает возможности для проведения любого этноботанического исследования и заставляет проводить его в парадигме одной из представленных областей знания, ограничиваясь определенным набором методов и теоретических установок. Чтобы избежать подобной ситуации, нужно задать такое понимание этноботаники, чтобы не ограничивать ее рамками какой-либо другой науки. Определение этноботаники как научного направления, изучающего именно представления (в широком смысле этого слова) этносов об окружающем их растительном мире может решить поставленную задачу и отделить этноботанику от других смежных научных направлений. После утверждения подобного понимания этноботаники, возникает вопрос: каким же образом реализуются эти представления? Отвечать на него можно по-разному, подходя к вопросу с различных сторон, в том числе и со стороны этнических различий в связях и элементах этнических систем, однако можно пойти и от общего. Таковым общим, присущим каждому этносу, являются язык, культура и система верований (или религия). Они и фиксируют этноботанические представления, каждая в своих категориях, тем самым создавая полную и многогранную этноботаническую картину. Если попытаться определить все направления этноботаники, имеющиеся в отечественной науке, как раз и станет понятно, что каждому из этих системных элементов соответствует свое научное поднаправление. Так, изучением этноботанических представлений посредством языка занимается этно-лингвистическое направление этноботаники (или лингвоэтноботаника), через культуру и верования занимаются одноименные направления, еще не получившие своего научного наименования, но тем не менее поддающиеся выявлению. Для того чтобы иметь представление об этноботанике как науке, необходимо остановиться на этих направлениях и рассмотреть их более подробно.

Первое направление – этно-лингвистическое (происхождение того или иного названия растения или животного), заключается, как объясняет Колосова В.Б., в рассмотрении фитонимической диалектной лексики, выявлении признаков растений, отраженных в фитонимах и составлении карт распространения фитонимов [20]. В некоторых научных работах данное направление выделяется в качестве междисциплины на границе трех наук и именуется лингвоэтноботаникой [17]. Интересно, что лингвоэтноботаника в отечественной науке достаточно популярное и развитое направление, статей и монографий по этой тематике (причем как прикладной, так и общетеоретической направленности) было написано не мало [2, 4, 5, 6, 7, 14, 18, 19, 23, 25, 26, 28]. Второе направление – символика растений в народной культуре. Оно также достаточно широко распространено и является вполне самостоятельным научным направлением, однако по некоторым вопросам тесно переплетается с фитонимикой (поскольку язык – часть народной культуры). Объектами изучения ученых-этноботаников становятся устное народное творчество [1, 13], архитектура [8], литература [33], фольклор [32] и т.п.. Отдельно можно выделить сборник трудов «Этноботаника: растения в языке и культуре», аккумулировавшем в себе различные статьи по этим двум направлениям [35].

Третье направление рассматривает отражение флоры в мифологии и религиозных системах этносов. Однако следует упомянуть, что данное научное течение также, как и второе направление, описанное выше, зачастую связано с фитонимией, к тому же еще и тесно переплетается с самой культурой (вторым направлением). И это вполне естественно. Связь языка с мифологией и религией отмечается многими авторами, так к примеру, английский этнограф Эдвард Бёрнетт Тайлор говорил о языке, как о важном элементе мифообразования: «Язык, без сомнения, играл значительную роль в образовании мифа. Уже самый факт наименования таких понятий, как зима и лето, холод и жара, война и мир, добродетель и порок, давал составителю мифов возможность представить себе эти идеи в виде личных существ. Язык ... творит сам по себе» [31]. Если то, о чем говорил Тайлор постараться рассмотреть исключительно в интересующем нас контексте, то мы как раз и выйдем на фитонимы и представления о растениях в мифологических системах. В этом отношении Колосова В.Б. отмечает, что объяснения фитонимов внутри традиции демонстрируют связь с мифологическими представлениями [20]. Что касается связи с культурой, то и здесь все достаточно очевидно. Долгое время верования «диких» народов или «примитивные» религии вообще рассматривались вне отрыва от культуры. То есть, по мнению ряда ученых, реальные представления о предметах просто транслировались в верования с придачей им соответствующей символической и сакральной окраски. Тоже можно сказать и о растениях, как частном случае данного утверждения. В отечественной литературе были предприняты попытки связать растения с верованиями через язык и культуру. Статья И.В. Родионовой [27] посвящена библейским мотивам в народной фитонимии и является хорошей иллюстрацией того, что путь к этноботаническим представлениям в верованиях или религиях можно начать с языка, то есть с лингвоэтноботаники.

В тоже время другие ученые начинают этот же путь от этноботанических представлений в культуре. Культура и религия с точки зрения фиксации этноботанических представлений порой настолько тесно переплетаются, что их зачастую возможно рассматривать только как единое целое. Комплекс работ с подобными предметами исследования можно выделить в отдельное поднаправление на стыке культурного и религиозного направлений этноботаники. Туда может войти, например, работа Станюкович М.В. – «“Сын бетельного ореха и листа бетеля”: символика *Areca Catechu* и *Piper Betle* в фольклоре и традиционной культуре ифугао и других народов Филиппин» [30]. В статье обращается внимание на культурно-религиозные функции бетеля. Автор отмечает, что «коммуникативные, этикетные и ритуальные функции бетеля обусловлены связанными с ним мифологическими представлениями, основанными как на фармакологических свойствах растений и минеральных добавок, так и на их месте в символических классификациях, связывающих растения с жизненными субстанциями и миром материальных предметов, имеющих высокий семиотический статус и потому выступающих в виде объектов обмена и дарения» [30]. На ритуальное (и в целом культурно-религиозное) значение растений обращают внимание и другие авторы. Достаточно вспомнить священные рощи древних кельтов, славян или германцев, чтобы понять какую глубокую роль играли культы дерева в духовном мире этих этносов. Об этом писали Аллен Г. [3], Зеленин Д.К. [16] и многие другие. Трудов, которые можно было бы отнести только к третьему направлению достаточно мало, а исключительно теоретических практически нет. На то есть несколько причин: во-первых, относительная молодость этноботаники и не развитость этой науки; во-вторых, тесная связь религиозного с культурным и языковым часто не дает рассматривать этноботанические представления в верованиях в отрыве от языка и культуры; в-третьих, эта же зависимость заставляет исследования религиозной направленности «встать в очередь» за исследованиями по первым двум направлениям, без которых невозможно движение вперед; в-четвертых, уязвимость религиозных систем – на сегодняшний день мировые религии вытеснили большую часть традиционных верований, которые оказались забыты, тем самым потенциального материала для исследований стало много меньше. Если же говорить об отечественной этноботанике в целом, то ситуация складывается таким образом, что по всем трем направлениям преобладают прикладные работы. В то время как на Западе наблюдаются несколько иные пропорции. При этом все же шаги к теоретическим обобщениям и выявлению универсальных закономерностей предпринимаются и в отечественной науке. Здесь стоит отметить статьи Голева Н.Д. [6, 7] и Протопоповой О.В. [26]. Подводя итог, можно сказать, что отечественной этноботанике есть куда развиваться, и данное направление может идти вперед вне зависимости от уровня и темпов развития какого-либо другого научного направления.

В тоже время спектр работ по этноботанике, издаваемых на Западе, не сравнено больше. Было создано даже специализированное общество ISE – International Society of Ethnobiology, базирующееся в США в Вермонте [79]. Однако само понимание этноботаники и в целом этнобиологии в западной научной мысли

несколько иное, поэтому те подходы к классификации исследований, которые были применены в данном труде к отечественным статьям и монографиям по этноботанике, не будут отражать ту реальную ситуацию, которую можно наблюдать в западной этноботанике. Тематика работ настолько разнообразна, что американская и европейская этноботаника способна вскоре создать новые оформленные самостоятельные научные направления, и определенные шаги в эту сторону уже предприняты. Достаточно сказать, что сейчас существует разделение на прикладную (большое количество собственно прикладных работ и отдельно выделяются труды связанные с методикой сбора и обработки этноботанической информации [46]) и теоретическую этноботанику (часто выступает под названием «Общей этноботаники») [37, 47, 48, 78], имеются работы по таким специфичным направлениям как палеоэтноботаника [42, 54, 64, 72], медицинская этноботаника (этномедицина) [40, 48, 58, 62] и этнофармакология [62, 74], *economic botany*, чему посвящен одноименный журнал [50, 66, 70], и другим областям. Однако стоит сделать уточнение, что дефиниция «ethno» в западной науке имеет гораздо более широкое и более универсальное значение. Максимова И.Е. пишет, что этноботаника за рубежом понимается как вся система знаний о растениях, произрастающих в различных природно-климатических зонах и немногим отличается от обычной ботаники [22]. В отечественной традиции понятие «этно» имеет строго очерченные границы и часто отделяется от понятия «народное». В парадигме западной научной мысли такого разделения не происходит, поэтому, например, поднаправление *ethnomedicine* можно трактовать и как «народная медицина» и как «этномедицина», что является несколько разными понятиями. При этом важен и сам подход, применяемый западными учеными в этнологических исследованиях. Избегание понятия «этнос», замена его дефинициями «этнические общности» или «этнические группы» и даже «культурой» [29], а также рассмотрение самого явления этноса как продукта сознания, а не природы, задает определенный тон научных исследований, в том числе и этноботанических. В частности, социальному фактору (или социогенезу) придается огромное значение, часто в ущерб других факторов. Однако социально-антропологический детерминизм настолько же неполноценен, как и любой другой детерминизм. А в совокупности с несостоятельностью понятия «этноса» в западной научной мысли, многочисленных его трактовок и отсутствия собственной ниши в научном мире западной науки в итоге и превратило понятие «ethno» в «ethno-», то есть в приставку для других категорий человеческой деятельности, изучаемых различными науками. Поэтому *ethnomusic* (*ethnomusicology*) – это просто фольклор, *ethnomedicine* – это просто народная медицина в социальном, а не этнологическом смысле этого слова, точно такая же ситуация и с *ethnobotany*.

Тем не менее среди большого количества западных работ по этноботанике наблюдается также и широкое разнообразие междисциплинарных работ, в частности о связи этноботаники и исторических предпосылок доместикации [10, 77], о связи экономики (или шире – хозяйства) и этноботаники (журнал *economic botany* [50]), о связи этноботаники с миграциями этнических общно-

стей [62]. В целом часто в работах американских и европейских ученых-этноботаников в качестве объекта исследования выступают представления и знания этносов (или как уже было отмечено – «народа») о лекарственных растениях, ареал которых соприкасается с территорией расселения этноса. Например, в книге «Растения Богов» Шульца (называемого отцом этнобиологии), Хофманна и Рэтча рассматриваются различные виды растений с точки зрения их колдовских, лечебных и магических свойств [34]. Такие вопросы, как традиционное использование галлюциногенов в мире тщательно проработаны этим авторским коллективом и представлены в виде картографических материалов, что может дать комплексное представление об этой проблеме. Вопросы об представлениях этносов о domesticiрованных растениях зачастую не рассматриваются и в западном научном пространстве, как минимум в рамках этноботаники, за исключением отдельных трудов и такого смежного направления, как «ethnobotany and domestication», объединяющем ряд работ о влиянии уровня этноботанических представлений различных этносов на одомашнивание различных видов растений и темпы перехода к производящему хозяйству. Как правило, когда растение пересекает черту дикости и становится культивируемой культурой, оно уже не интересует ученых-этноботаников по некоторым причинам. Первая такая причина заключается в том, что этноботаника занимается в основном изучением знаний этносов о природе, находящимся на доцивилизационном уровне развития, когда же этнос одомашнивает дикие виды растений, он переходит на производство продовольствия, что запускает цивилизационный механизм, что в свою очередь выводит этнос на новый уровень. Наиболее обоснованно он описан в трудах Джареда Даймонда [10]. Даймонд говорит о том, что производство продовольствия заставляет человеческие общества переходить на оседлый образ жизни, следствием чего является повышение плотности населения, развитие социальных и государственных институтов. В итоге этнический коллектив меняет организацию с общинной и племенной сначала на вождескую, а затем и на государственную [10]. Меняется отношение человека к природе и отражением этого процесса можно назвать ломку в мировоззренческих и религиозных представлениях этноса, и в частности трансформация этноботанических представлений. Другая причина того, что ученые занимаются изучением этноботанических представлений «примитивных» этносов кроется в том, что подобные исследования чаще всего гораздо более результативны и при этом требуют меньших трудозатрат. Тот факт, что этносы, находящиеся на доцивилизационном этапе развития, сохранили первоначальные, сформировавшиеся в течении тысяч лет, этноботанические представления своих предков в большинстве своем принимается учеными. Изучение этноботаники «примитивных» этносов позволяет понять уровень знаний в области природы и в частности растительного мира людей, живших до неолитической революции. В то же время подобная работа достаточно важна, поскольку помогает устранять некоторые белые пятна в наших представлениях об архаичных обществах, тогда как вставшие на путь цивилизационного прогресса народы не могут позволить исследователям провести адекватную корреляцию на прошлое из-за большого количества помех, наслоившихся на сознание членов этноса с течением длительного времени

в связи с постепенным отдалением от природы из-за ведения оседлого образа жизни, с разрывом с природой в сознании членов оседлого коллектива. Однако рядом исследователей проводится работа по «просачиванию» сквозь подобное наложение различных культурных, цивилизационных элементов посредством анализа языка, народной культуры, рудиментов языческих верований. Тем, кто работает с архаичными этносами, такая работа значительно облегчается, а за частую вообще не требуется, поскольку никаких культурных и цивилизационных наслоений нет. Таким образом, можно заметить, что география этноботанических исследований зачастую ограничивается такими странами как Нигерия [43], Камерун [44], Кения [41, 56, 58], Мозамбик [38], ЮАР [52], Индия [39, 40, 49], Пакистан [36, 63, 67], Турция [57, 70, 71], Албания [59, 61], Бразилия [60, 66], Колумбия [68, 74], Гайана [50], Мартиника (Франция) [55], Самоа [75], Тонга [76], Мексика [77], США (западные штаты) [45, 51, 65, 69] и другими, то есть теми странами, в которых сохранились реликтовые, гомеостатические этносы или же изучение первоначальных этноботанических представлений облегчено для исследователя общим культурным уровнем этноса, способности к сохранению традиционных взглядов, языческих верований, мифологического мышления. В тоже время вы не найдете много статей или книг об этноботанике англичан, французов, немцев, японцев и других народов с высоким уровнем урбанизации и развитой экономикой. Это же относится и к отечественной научной мысли. В частности, работ по этноботанике русского этноса на порядок меньше, чем работ по этноботанике древних славян [15, 16, 20]. Даже если в названии статьи заявлено о представлениях русских, в ней невольно будет происходить постоянная отсылка к славянам и их этноботаническим представлениям. Здесь как раз будет уместно упомянуть о том, что согласно концепции Льва Гумилева, русский (российский суперэтнос), английский, французский, немецкий (христианский суперэтнос) этносы являются новыми системами, пришедшими на смену ушедшим, разрушившимся этническим системам, но перенявшим от них веру, культуру и язык [9], а культура, вера и язык как раз и включают в себя ту драгоценную этноботаническую информацию. То есть изучая этноботанику русского этноса мы волей неволей должны будем вернуться к изучению этноботаники древних славян, поскольку к моменту образования русского этноса (по Гумилеву – 13 век) [9] разрыв с природой был уже настолько велик, что этноботанические представления могли формироваться только посредством некоторых новшеств в языке и в культуре. Фундамент же этноботанических представлений был заложен именно во время существования славянского этноса, более тесно связанного с ландшафтом и следовательно со всеми его элементами, в том числе и растительным миром. Также можно сказать и о других современных суперэтносах, понять их этноботанические представления можно лишь на основе этноботанических представлений их предков и взаимодействия их же со своими кормящими ландшафтами и фитоценозами, входящими в данный ландшафт. После того как один этнос уходит и из этнического субстрата формируется новый, происходит передача своеобразного этноботанического наследия – знаний о растительном мире посредством языка, культуры, верований и мифологии. Только через язык, фольклор, религию и историю можно получить ответы на

вопросы: как формировались этноботанические представления, где они формировались и кем. Именно поэтому так активно развиваются в отечественной науке фитонимика, а в западной – палеоэтноботаника*.

Рассмотрев и западную, и отечественную научные парадигмы в этноботанике, остается ответить на главный вопрос – так зачем же необходимо изучать этноботанические представления и проводить этноботанические исследования? Знания об этноботанике древних народов должны помочь с одной стороны в воссоздании объективной картины прошлого, с другой – в решении ряда вопросов, в раскрытии и объяснении загадочных моментов в истории изучаемых этносов. С третьей стороны – этноботаника может помочь в понимании общих закономерностей в развитии доцивилизационных обществ а также народов, находящихся на этапе развития, который можно обозначить как ранние цивилизации. Одной из базовых закономерностей, выведенной учеными-эволюционистами, и представленной как некий универсальный механизм уже упомянутым нами, Джаредом Даймондом, можно считать: окультурирование доступных диких видов растений и животных => переход на оседлый образ жизни и производство продовольствия => усложнение социальной организации общества, переход от родовой организации к племенной и далее к вожеству и государству => возникновение религии как института власти [10]. И снова можно задать вопрос: как могут помочь этноботанические знания в понимании причинно-следственных связей в развитии человеческих обществ, в связи мира растений этнических и религиозных систем человечества, в разрешении ряда проблемных вопросов истории? Этноботаника есть то связующее звено, которое дает выход на общее поле на границах сфер изучения биогеографии, этнографии, этнологии, истории, экономики, лингвистики и даже политологии, поможет увидеть скрытые связи между объектами и предметами данных наук. В союзе с другими науками этноботаника может обеспечить себе надежное будущее, но при этом она должна выступать в качестве самостоятельного направления, со своим набором методов, со своей парадигмой и со своими подходами.

*Палеоэтноботаника начинает развиваться и в рамках отечественной науки. В этом отношении интересна статья Дзыбова Д.С. «Растительность Хумаринского городища в Карачаево-Черкессии как индикатор ее этноботанической истории» [12].

Список используемых источников:

1. Автамонов Я.А. Символика растений в великорусских песнях // Журнал Министерства народного просвещения. 1902. No 11. Ноябрь. С. 46-101; No 12. Декабрь. С. 234-288.
2. Алешина Е.К. Исследование наименований растений и национальная языковая картина мира: к постановке проблемы // Вестник Новосибирского государственного университета. Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский гос. Университет, 2009. 8(2). С. 34-37.
3. Аллен Г. Эволюция идеи божества: Исследование о происхождении религии. М.: Либроком, 2012. 192 с.
4. Бродский И.В. Названия растений в финно-угорских языках (на материале прибалтийско-финских и коми языков). СПб.: Наука, 2007. 210 с.
5. Бродский И.В. Номинация растений по признаку лекарственности в финно-пермских языках // Традиционная культура. М.: Гос. респ. центр русского фольклора, 2009. 35(3). С. 55-62.
6. Голев Н.Д. «Естественная» номинация объектов природы собственными и нарицательными именами // Вопросы ономастики. No 8-9. Свердловск, 1974. С. 88-98.

7. Голев Н.Д. О некоторых общих особенностях принципов номинации в диалектной лексике флоры и фауны // Русские говоры Сибири. Томск: Изд-во ТГУ. 1981. С. 17-28.
8. Горышина Т.К. Архитектурная флора Петербурга. СПб.: Искусство-СПб, 2008. 406 с.
9. Гумилев Л.Н. От Руси к России. М.: АСТ, 2015. 512 с.
10. Даймонд Д. Ружья, микробы и сталь: Судьбы человеческих обществ / пер. с англ. М. Колопотина. М.: АСТ: АСТ Москва: CORPUS, 2010. 720 с.
11. Демидова Е.Е., Вализнева Т.А., Дроздова Н.С., Ионова О.Н., Рыжова И.С., Шаульская В.Ф. Этноботаника: современные проблемы и тенденции // Депонированная рукопись. 76-B2016. ВИНТИ РАН, 2016. 14 с.
12. Дзыбов Д.С. Растительность Хумаринского городища в Карачаево-Черкесии как индикатор ее этноботанической истории // Экологический вестник Северного Кавказа. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет, 2008. 4(2). С. 125-133.
13. Долонова Г.М., Омурова К.О., Содомбеков И.С. Отражение в произведениях кыргызского устного творчества сведений о полезных растениях, используемых народом // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. Пенза: Академия Естествознания, 2016. 6-4. С. 706-709.
14. Ершова Н.И. Наименования растений как фрагмент диалектной картины мира // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования, Институт лингвистических исследований РАН, 2011. С. 223-228.
15. Зеленин Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре, 1917-1934. М., 1999. 432 с.
16. Зеленин Д.К. Тотемический культ деревьев у русских и у белорусов // Известия Академии Наук СССР. Отд. общ. наук. 1933. No 6. С. 591-629.
17. Иванова А.А., Калуцков В.Н. Концепция культурного ландшафта в исследовании и репрезентации фольклора // Вестник МГУ. Сер. 2006. Т. 5.
18. Карданов М.Л. Номинация живой и неживой природы как отражение самобытности адыгского этноса // Вестник Института Гуманитарных исследований правительства Кабардино-Балкарской республики и Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Нальчик: ФГБУ науки Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского Научного центра РАН, 2015. 3(26). С. 73-75.
19. Колокольцева Т.Н., Кудряшова Р.И. Варианты наименований растения василёк в русских говорах (лингво-географический аспект) // Лексический атлас русских народных говоров. 1997. СПб., 2000. С. 65 -73.
20. Колосова В.Б. Славянская этноботаника: очерк истории // Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2010. 6(1). С. 7-30.
21. Лебедева Т.П. Ткаченко К.Г. Особенности использования растений местной флоры в качестве пищевых и лекарственных малыми народами Севера Европейской части России // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Химия, Биология, Фармация. Воронеж, 2016. №1. С. 76-84.
22. Максимова И.Е. Естественнаучные знания традиционных обществ (на примере народов Сибири) // Вестник археологии, антропологии и этнографии, 2001. Вып. 3. С. 175-181.
23. Маслов В.Г. Названия грибов на территории Ивановской области // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1992. СПб., 1994. С. 117-127.
24. Намзалов Б.Б. Этноэкология и традиционное природопользование на рубеже веков: История вопроса и перспективы исследований // Вестник Бурятского государственного университета, 2013. №14. С. 179-184.
25. Никулина Т.Е. К картографированию наименований слов со значением 'развилистое дерево' в русских народных говорах (вопрос Л 81 «Развилистое дерево» Программы ЛАРНГ // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). СПб., 2006. С. 100-104.
26. Протопопова О.В. Лексика природы в системе языковой культуры (на материале тамбовских говоров и произведений писателей XIX-XX вв., связанных с Тамбовским краем): автореф. дисс. . канд. филол. наук. Тамбов, 2004. 24 с.
27. Родионова И.В. Библейские мотивы в народных названиях растений // Живая старина, 2002. No 2 (34). С. 38-39.
28. Рубцова О.Г. Модели образования фитонимов в разнотелных языках (на материале русского, латинского, марийского и немецкого языков) // Актуальные вопросы современной науки. Новосибирск: Центр развития научного сотрудничества, 2013. 30(1). С. 268-276.
29. Спелзен Н. Социология. М.: Феникс, 1994. 688 с.

30. Станюкович М.В. "Сын бетельного ореха и листа бетеля": символика *Areca Catechu* и *Piper Betle* в фольклоре и традиционной культуре ифугао и других народов Филиппин // *Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2010. 6(1). С. 306-340.
31. Тайлор Э. Первобытная культура. М.: Издательство политической литературы, 1989. 573 с. Цивьян Т.В. Заметки по балто-балканскому мифологическому гербарю: рута // *Балто-славянские исследования* 1987. М., 1989. С. 69-73.
32. Шарафадина К.И. «Алфавит Флоры» в художественном языке русской литературы пушкинской эпохи (источники, семантика, формы). СПб., 2004.
33. Шульц Р., Хофманн А., Рэтч К. Растения богов – Rochester, Vermont: «Healing Arts Press», 2001. 208 с. Этноботаника: растения в языке и культуре / Отв. ред. В.Б. Колосова, А.Б. Инполитова. СПб.: Изд-во «Наука», 2010. 386 с. (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. редактор Н.Н.Казанский. Т.VI. Ч. 1).
34. Athar M., Bokhari. T. Ethnobotany and Production Constraints of Traditional and Commonly Used Vegetables of Pakistan // *Journal of Vegetable Science*, 2006. 12(2). P. 27-38.
35. Balick M.J. Plants, people, and culture: The science of ethnobotany. scientific american Library / M.J. Balick, P.a. Cox. New York. 1996. 228 p.
36. Bandeira S., Gaspar F., Pagula F. African Ethnobotany and Healthcare: Emphasis on Mozambique // *Pharmaceutical Biology*, 2001. V. 39. P. 70-73.
37. Blandary M. Chandrashekar K. Kaveriappa K. Medical ethnobotany of the Siddis of Uttara district, Karnataka // *Journal of Ethnopharmacology*, 1995. 47 (3). P.149-158.
38. Brahmam M. Saxena H. Ethnobotany of Gandhamardan Hills -- Some noteworthy folk-medicinal uses // *Ethnobotany*, 1990. 2, ½. P.71-79.
39. Christine H. S. Kabuye Ethnobiology and conservation of cultural and biological diversity. Nairobi, Nation Museums of Kenya, 2002. P. 430.
40. Deborah M. Pearsall Paleoethnobotany: A Handbook of Procedures. Walnut Creek, California: Left Coast Press, 2015. P. 513.
41. Erinoso S., Aworinde D. Ethnobotanical survey of some medicinal plants used in traditional health care in Abeokuta areas of Ogun State, Nigeria // *African Journal of Pharmacy and Pharmacology*, 2012. 6(18). P. 1352-1362.
42. Fonge B., Egbe E., Fongod A., Focho D., Tchetcha D., Nkembi L. and Tacham W. Ethnobotany survey and uses of plants in the Lewoh- Lebang communities in the Lebialem highlands, South West Region, Cameroon // *Journal of Medical Plants Research*, 2012. 6(5). P. 855-865.
43. Francis H. Elmore Ethnobotany of the Navajo. The University of New Mexico Press, 1944. P. 136. Gary J. Martin Ethnobotany: A Methods Manual (People and Plants Conservation) (People and Plants International Conservation). Routledge, 2004. P. 296.
44. Harshberger J.W. The purposes of ethno-botany // *Botanical gazette*, 1896. Vol. 21. P. 146-154. Hsu E., Harris S. Plants, Health and Healing: On the Interface of Ethnobotany and Medical Anthropology. Berghahn Books, Inc., 2010. P. 288.
45. Jain S.K. Ethnobotany in modern India // *Phytomorphology*, 2001. 51(3-4). P. 39-54.
46. Johnston M., Colquhoun A. Preliminary ethnobotanical survey of kurupukari: An amerindian settlement of Central Guyana // *Economic Botany*, 1996. 50(2). P. 182-194.
47. Krauss H. Ethnobotany of the Hawaiians. Honolulu, University of Hawaii Press, 1975. P.32.
48. Mabogo D. The ethnobotany of the Vhavenda. Pretoria: University of Pretoria, 1990. 216 p.
49. Minnis P. Ethnobotany: A Reader. University of Oklahoma Press, 2000. P. 384.
50. Minnis P. Paleoethnobotanical Indicators of Prehistoric Environmental Disturbance: A Case Study in The Nature and Status of Ethnobotany // *Journal of the American Name Society Postdam*, 1978. V. 67. P. 347-366. Nossin E., Longuefosse J-L. Medical ethnobotany survey in Martinique // *Journal of Ethnopharmacology*, 1996. 53(3). P. 117-142.
51. Okella S.V. Ethnobotany of Medical Plants In Mt. Elgon District Kenya. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. P. 164.
52. Ozturk M., Altundag E. Ethnomedicinal studies on the plant resources of east Anatolia, Turkey // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2011. V.19. P. 756-777.
53. Pakia M., Cooke J. The ethnobotany of the Midzichenda tribes of the coastal forest areas in Kenya: 1. General perspective and non-medicinal plant uses // *South African Journal of Botany*, 2003. 69(3). P. 370-381. Pardo-de-Santayana M., Pieroni A., Puri R.K. Ethnobotany in the New Europe: People, Health and Wild Plant Resources. Berghahn Books, Inc., 2010. P. 408.

54. Philips O. *Quantitative ethnobotany and Amazonian conservation* / by O. Phillips, 4rd ed. *Conversation Biology*, 1994. 8(1). P. 225-248.
55. Pieron A. *Resilience at the border: traditional botanical knowledge among Macedonians and albanians living in Gollobordo, Eastern Albania* / a. Pieron et al. // *Journal of Ethnobiology and Ethnomedicine*, 2014. 10:31. P. 2 – 31.
56. Pieroni A., Vandebroek I. *Traveling Cultures and Plants: The Ethnobiology and Ethnopharmacy of Human Migrations*. New York, Berghahn Books, 2007. P. 276.
57. Qasim M., Gulzar S., Shinwari Khan Z., Ajmal Khan M. *Traditional ethnobotanical uses of halophytes from Hub, Balochistan* // *Pakistan Journal of Botany*, 2010. 42(3). P. 1543-1551.
58. Renfrew J. *Paleoethnobotany*. London: Methuen, 1973. P. 248.
59. Rhode D. *Native Plants of Southern Nevada: An Ethnobotany*. University of Utah Press, 2002. P. 200.
- Rossato S. *Ethnobotany of caícaras of the Atlantic Forest coast (Brazil)* / by Silvia C. Rossato., 2nd ed. *Economic Botany*, 1999. 53(4). P. 387-395.
60. Schultes R.E. *Ethnobotany and technology in the north-west amazon: example of a partnership* / R.E. Schultes // *Environmental conservation*. 1991. Vol. 18, No. 3. P. 264-267.
61. Otero R. *Snakebites and ethnobotany in the northwest region of Colombia: Part I: Traditional use of plants* / by R. Otero, 13rd ed. *Journal of Ethnopharmacology*, 2000. 71 (3). P. 493-504.
62. Stephen R., Beck M. *People of the desert and sea: ethnobotany of the Seri Indians* // *University of Arizona Press*, 1985. P. 415-421.
63. Simsek I. *An Ethnobotanical survey of the beypazari, ayas, and Gündül district towns of Ankara Province (Turkey)* / by Simsek I., 3rd ed. *Economic botany*, 2004. 58 (4). P. 705-720.
64. Uysal I., Onar S., Karabac E., Çelic S. *Ethnobotanical aspects of Kapdağ Peninsula (Turkey)* // *Biological Diversity and Conversation*, 2010. 3(3). P. 15-22.
65. VanDerwarker M., Peres T. *Integrating Zooarchaeology and Paleoethnobotany: A Consideration of Issues, Methods and Cases*. Springer Science+Business Media, 2010. P. 334.
66. Vassos A. *The Logic of Environmentalism: Anthropology, Ecology and Postcoloniality (Studies in Environmental Anthropology and Ethnobiology)*. V. 1. P. 208.
67. Vasquez *Snakebites and ethnobotany in the Eastern region of Antioquia, Colombia–The traditional use of plants* / by Vasquez, 7rd ed. *Journal of Ethnopharmacology*, 2013. 146(2). P. 449-455.
- Whistler W. Arthur *Plants in Samoan Culture: the Ethnobotany of Samoa* // *University of Hawai'i Press*, 2011. Pp. 270.
68. Whistler W. Arthur *The Ethnobotany of Tonga: The Plants, Their Tongan Names, and Their Uses* // *Bishop Museum Press*, 1991. No. 2. Pp. 155.
69. Zarate S. *Ethnobotany and domestication process of Leucaena in Mexico* // *Journal of Ethnobiology*. 1999. T. 19. №. 1. C. 1-26.
70. *Ethnobiology and Biocultural Diversity: Proceedings of the Seventh International Congress of Ethnobiology* / by John R. Stepp, Felice S. Wyndham, Rebecca Zarger. Conference publication. University of Georgia Press, 2002. P. 721.
72. *Internation Society of Ethnobiology*. URL: <http://www.ethnobiology.net>

© 2017, Гресь Р.А.

Этноботаника: отечественная и зарубежная
парадигмы, направления и перспективы развития

© 2017, Gres R.A.

Ethnobotany: domestic and foreign paradigms,
directions and development prospects